

Владимир Маторин

Да, Пушкин — солнце русской поэзии, он бесконечно любим. И пусть это уже много раз было сказано, повторить не грех.

Для меня он представлял в разных ипостасях. Помню, в первом классе заставили что-то из Пушкина учить, и я сидел с бабушкой и повторял, повторял. Потом пришла юность и с ней состояние влюбленности, и иной Пушкин. Затем зрелость, и с ней философское осмысление его творчества. Артист и певец во многом сродни поэту. Соприкасаясь с гениальными творениями, невольно заражаешься этой энергией, этими идеями, этим настроением. Мы ведь больные люди, когда-то получившие этот творческий вирус, и до старости им неизлечимо болеющие. Пушкин, как и многие до него, писал о вечном — о любви, жизни, смерти, семье, любимом деле, родине, природе, но настолько просто и гармонично, что мы эти идеи и понятия воспринимаем именно через его поэзию. Он входит в нашу жизнь, как нечто огромное и родное.

В детстве, когда я узнал, что Пушкина убили на дуэли, то ужасно плакал, воспринимая это как свою боль и свою потерю. Сейчас я понимаю, что иного конца в его жизни быть просто не могло. Он, несмотря на всю свою солнечность, был обречен на одиночество, он всегда был непохожим, он родился гением, а это раздражает большинство. Настоящий художник — всегда в оппозиции. Читая Пушкина, у меня постоянно возникают мысли о месте художника, о долге художника, о необъятности и необъяснимости талан-

та. Из всего это рождается и загадка Пушкина.

Сейчас я все больше и больше обращаюсь к пушкинским сказкам. Это же — программа к действию, как для страны, так и для отдельных индивидов. Например, «Сказка о рыбаке и рыбке» написана ведь совершенно гениально. Очень люблю «Сказку о царе Салтане», ну и, конечно, «Руслана и Людмилу». Часто читаю вслух. Здесь есть такие потрясающие аналогии с нашим временем — просто диву даешься, хотя на то Пушкин и гений. Но если сказки — для души, то для профессии, для самосовершенствования последние два года постоянно обращаюсь к пушкинской драматургии, начиная со «Скупого рыцаря» и заканчивая «Борисом Годуновым». В последнем я просто «купаюсь» и вообще считаю, что это произведение должны читать все, особенно государственные мужи. Эта такая фантастическая глыба. Казалось бы, играешь, играешь спектакль, все идет вроде бы по накатанному, а начинаешь перечитывать Пушкина, и то здесь всплывет новый нюанс, то там, и опять пересматриваешь образ, меняешь смысловые акценты. Для баса эта партия — настоящая голгофа, но эти мучения настолько притягательны, что я не знаю ни одного певца, который бы не пошел на них по доброй воле. Не менее потрясающий и характер Сальери. Вообще, какой бы образ ни подарил артисту Пушкин, — огромное счастье когда-нибудь воплотить его на сцене...

Большой театр — 1999 — 3 июня

В. Маторин — Царь Додон.